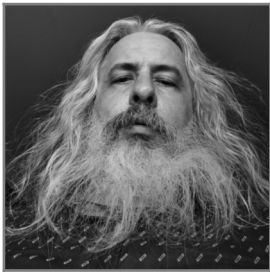

О СЕМАНТИЧЕСКОЙ РЕФЕРЕНЦИИ И РЕФЕРЕНЦИИ ГОВОРЯЩЕГО

**Черняк Алексей
Зиновьевич** – кандидат
философских наук, доцент.
Российский университет
дружбы народов.
Российская Федерация,
117198, Москва,
ул. Миклухо-Маклая, д. 6;
e-mail: abishot2100@
yandex.ru

Господствующей в современной философии языка теорией значения языковых выражений некоторых видов является теория референции, приписывающая им способность обозначать то, о чем с их помощью говорят. Также в современной философии языка принято выделять два типа референции: отношение между субъектом и предметом, на который он указывает в конкретном акте высказывания (референция говорящего), и отношение между языковым выражением, которое может быть частью множества высказываний, и предметом, на который с его помощью можно указать (семантическая референция). Популярная гипотеза состоит в том, что имя собственное, будучи использовано в коммуникации правильно (в соответствии с конвенциями, определяющими его семантические свойства), обозначает свой семантический референт в соответствующем акте высказывания, даже если говорящий обозначает или пытается обозначить с его помощью что-то другое. С другой стороны, некоторые считают, что имя в конкретном его использовании обозначает только то, на что с его помощью указывает говорящий. В данной статье обе эти гипотезы подвергнуты критике. Рассмотрены разные смыслы понятия «обозначение именем чего-либо в конкретной ситуации его использования», и показано, что языковые конвенции, предположительно отвечающие за наличие у имен семантических референций, не могут сделать имена обозначающими свои семантические референты независимо от действий и убеждений конкретных участников коммуникации. С другой стороны, гипотеза, что референт конкретного появления имени в коммуникации (токена) полностью определяется референцией говорящего, также недостаточно обоснована. Из этого не обязательно следует, что разговор о референциях токенов имен лишен смысла (хотя это возможно), но, по крайней мере, на этом основании можно утверждать, что не так просто, если вообще возможно, объяснить в терминах различия между семантической референцией и референцией говорящего, как токены имен имеют определенные референции.

Ключевые слова: имя собственное, значение, семантическая референция, референция говорящего, конвенция, интенция

ON SEMANTIC REFERENCE AND SPEAKER'S REFERENCE

Alexey Z. Chernyakh – PhD
in Philosophy, Associate
Professor.
Peoples' Friendship University
of Russia.

Theory of reference is a mainstream theory of meanings of certain types of linguistic expressions (primarily proper names, indexicals, demonstratives, and definite descriptions) in contemporary philosophy of language. It assigns corresponding expressions capability to refer to what people are talking or thinking about

6 Miklukho-Markaya St.,
117198, Moscow,
Russian Federation;
e-mail: abishot2100@
yandex.ru

by using them. Meanwhile it is widely recognized that there are two kinds of reference. One is conceived as a relation between an agent and an entity which he or she applies the term to in particular communicative act (or act of thought); this is roughly called "speaker's reference". Another one characterizes linguistic terms as referring to particular entities relative to particular languages. This is normally identified as semantic reference. The popular hypothesis based on this distinction assumes that if a name is used in communication (or thought) in a right way (i.e. in accord with particular set of conventions) then it refers to its semantic referent even when the speaker uses it to refer to something else. On the other hand, some believe that the reference of a particular use of a proper name (its token) is fully determined by the speaker's communicative intentions. In the proposed study both these hypotheses are criticized. Different senses of such words as "designate" or "refer to" in their application to the functioning of linguistic expressions in communication are analyzed, and it is shown that linguistic conventions allegedly responsible for names' semantic references cannot make names refer to their semantic referents independently on what particular participants of communication are believing or doing. On the other hand, the reduction of the reference of a token of a proper name to its speaker's reference fails to explain this phenomenon as well. Neither theory explains how tokens of proper names (and supposedly other types of designators) could refer to particular entities (have referents). From this at least two conclusions may be made: the radical one would claim that any talk about tokens' references is most likely meaningless. And the moderate one is that explanations of this phenomenon based on the distinction between semantic and speaker's references don't work. The author favors the first conclusion, but does not insist on it.

Keywords: proper name, semantic reference, speaker's reference, intention, convention, token

1. Сол Крипке об отличии семантической референции от референции говорящего

Когда мы говорим и думаем, мы обычно говорим и думаем о чем-то; предмет разговора или мысли, как правило, вводится посредством языковых выражений определенных видов – имен, дескрипций, местоимений. Популярной теорией значения этих выражений является теория референции, согласно которой их значениями в большинстве контекстов являются сущности, которые они обозначают¹. В современной философии языка принято считать, что в конкретном акте коммуникации как субъект в силу своей коммуникативной интенции,

¹ Это представление глубоко укоренено в философии языка. См. выражение этой идеи, например, в [Mill, 1882, p. 40; Фреге, 1997, с. 25–26; Russell, 1903, p. 53; Carnap, 1947, p. 40; Evans, 1982, p. 383].

так и само использованное им имя или иной десигнатор² могут обозначать (или, иначе, указывать на) определенную сущность (единичный объект или класс объектов). В этой связи принято проводить различия между семантической референцией, связывающей сам десигнатор с определенной сущностью (его семантическим референтом) и определяемой правилами и конвенциями конкретного языка³, и референцией говорящего, определяемой тем, на что конкретный субъект, использующий десигнатор в конкретной ситуации, хочет с его помощью указать⁴. В данной статье выражается сомнение в том, что наличие у конкретного появления имени в высказывании или мысли – так называемого токена имени⁵ – определенной референции можно объяснить как семантическими свойствами соответствующего имени, так и свойствами коммуникативного действия, частью которого является этот токен.

Крипке поясняет суть различия на следующем примере⁶. Некто принимает Джонса, собирающего листья, за Смита и спрашивает: «Чем это занят Смит?». Допустим, его собеседник не знает, кто такой Смит, и полагает, что человек, о котором говорит спрашивающий, и есть Смит⁷. Поэтому он отвечает, что Смит собирает листья. В данном случае, считает Крипке, собеседники говорят о Джонсе,

² То есть выражение, основной функцией которого в языке является обозначение чего-либо.

³ Согласно С. Крипке, если говорящий имеет десигнатор в своем идиолекте и определенные конвенции этого идиолекта определяют референт этого десигнатора в этом идиолекте, то это – семантический референт данного десигнатора [Kripke, 1977, p. 263]. Идея, что референции имен закрепляются за ними посредством языковых конвенций, в свою очередь, восходит еще к Аристотелю [Аристотель, 1978]. В XX в. эта точка зрения получила широкое распространение; она представлена, в частности, в [Lewis, 1969; Searle, 1969; Schiffer, 1972].

⁴ Эксплицитно это различие ввел С. Крипке [Kripke, 1977, p. 263]. См. также: [Grice, 1957; Grice, 1968; Kripke, 2013, p. 118]. Выражение «референция говорящего» может ввести в заблуждение, так как оно создает впечатление, что такого рода референции могут связывать только агентов устных высказываний. Разумеется, это не так. Также уместно проводить различия между тем, кто произносит слова, и тем, кто является автором этих слов: не всегда это один и тот же субъект; соответственно, под говорящим можно понимать как того, кто произносит слова, независимо от того, является он их автором или нет, так и только того, кто произносит слова, автором которых он сам является.

⁵ Для простоты я буду далее говорить только об определенном типе десигнаторов – именах собственных, референтами которых считаются единичные сущности. Но мне кажется, что проблема, о которой пойдет речь, является общей для всех типов десигнаторов.

⁶ Я его немного упростил.

⁷ Допустим, у него нет сомнений, что говорящий спрашивает о данном конкретном индивиду, потому что в поле зрения обоих больше нет ни одного живого существа.

принимая его за Смита. Значит ли это, что имя Смит, обычно обозначающее Смита, изменило свое значение в данном контексте? Крипке с этим не согласен, он считает, что, несмотря на то, что имя Смит применено в конкретной ситуации к Джонсу, поскольку в языке, частью которого оно является, никаких существенных изменений не произошло, обозначает оно все равно закрепленный за ним в этом языке семантический референт, которым является Смит [Kripke, 2013, pp. 117–118]. Референция имени, по мысли Крипке, не меняется от того, что с его помощью говорящий пытается указать на кого-то другого или на что-то другое; она является результатом некоей сложившейся языковой практики, или, иначе говоря, конвенции, в рамках которой имя связано отношением обозначения со строго определенной сущностью⁸, и именно эту сущность оно с этой точки зрения обозначает в каждом случае своего правильного (т.е. конвенционального) использования, независимо от того, к чему его фактически применяют участники коммуникации⁹.

2. Вопрос о значении обозначения

Но что значит, что имя обозначает определенную сущность, будучи использовано определенным образом или в определенном контексте? Один смысл понятия обозначения подразумевается, когда говорят о субъекте, что он указывает на некий объект посредством такого-то термина или действия¹⁰. В этом случае под обозначением имеется в виду либо некое действие – в частности, использование имени с определенной целью или интенцией – либо результат действия – например, вызывание у слушателей определенных реакций, таких

⁸ Популярны теории, объясняющие сущность семантической референции, содержатся в [Kripke, 1980; Fodor, 1987; Millikan, 1989; Lewis, 1983; Cummins, 1991].

⁹ Крипке высказывается о референции говорящего двусмысленно, так как в одном месте он говорит, что это свойство самого имени [Kripke, 1977, p. 264], а в других – что это свойство речевого акта – то, на что указывает говорящий посредством конкретного десигнатора [Ibid.]. Если предположить, что в той же ситуации, в которой имя имеет определенную семантическую референцию, оно имеет также другую референцию благодаря специфической интенции говорящего, придется согласиться с тем, что в таких ситуациях имена референциально неоднозначны. Но это предположение идет вразрез с интуицией, согласно которой в определенном контексте имя имеет (если вообще имеет) определенную референцию. Поэтому мне кажется более адекватным понимание референции говорящего как свойства коммуникативного действия (речевого акта). Но для целей данной статьи в любом случае важнее, может ли референция конкретного появления имени в коммуникации определяться семантикой данного имени или стоящими за этим его появлением коммуникативными интенциями.

¹⁰ См. анализ этого понятия референции, например, в [Searle, 1969, p. 77–96].

как мысль или убеждение, что речь идет о том-то. Если под обозначением именем в его конкретном использовании своего семантического референта имеется в виду нечто подобное интенциональному указанию субъекта на некий предмет, то это не может быть действием, так как сам токен имени не может произвести никакого действия. Значит, это может быть только результат действия. Но даже если имя N имеет строго определенный семантический референт X и использовано в подходящем контексте, т.е. в таком, который не содержит для участников коммуникации явных свидетельств того, что имя N в данном случае использовано с каким-то другим значением, это появление N не обязательно вызовет у слушающих реакцию, соотносящую его именно с X. Допустим, слушающий в рассмотренном выше примере так же, как и говорящий, понимает слово «Смит» как имя определенного индивида – Смита, за которым, как он считает, это имя закреплено в рамках определенной коммуникативной практики, и не имеет оснований не верить, что в данном конкретном случае говорящий использовал его как-то иначе. Предположим, далее, что он так же, как и говорящий, принял Джонса за того самого Смита. В этой ситуации он даже может без колебаний на вопрос: «Что значит слово “Смит” в данном контексте?» – ответить, что имя Смит в нем обозначает того Смита, который... И тем не менее это использование данного слова также вызовет в нем убеждение, что оно относится к конкретному индивиду, находящемуся в поле их зрения, который, однако, чего данный субъект не знает, объективно не является Смитом. Само по себе наличие у имени даже единственного семантического референта не способно сделать его появление в каком-либо контексте строго однозначным в рассматриваемом смысле, т.е. исключить восприятие его как относящегося с тому, что de facto не является его семантическим референтом. Но на каком основании мы тогда считаем, что оно вообще может сделать токен имени обозначающим именно его семантический референт в этом смысле обозначения?

Я знаю, что слово «Цезарь» преимущественно используется как имя древнеримского политика, полководца и писателя Гая Юлия Цезаря. Если мой друг говорит мне, что Цезарь был не таким уж выдающимся политиком, и предшествующий дискурс не свидетельствует о том, что речь идет о ком-то другом, я, скорее всего, решу, что он говорит о Гае Юлии Цезаре и, соответственно, что в данном случае слово «Цезарь» фигурирует как его имя. Поскольку из всех значений слова «Цезарь» я выделяю это в качестве основного, моя естественная реакция на его появление в подходящем контексте состоит в приписывании ему именно этого значения. В этом смысле семантическая референция имени влияет на референции, приписываемые его токенам; но это влияние недетерминирующее, так как в большей степени то, какое значение я припишу конкретному появлению данного выражения, определяется тем, есть ли у меня основания исходить

из какой-либо альтернативной интерпретации и насколько они слабые (если бы, например, я вспомнил, что видел накануне моего друга читающим книгу про Чезаре Борджия, я мог бы предположить, что он говорит сейчас о нем). Даже в ситуации, когда все участники коммуникации понимают выражение X строго одинаково – как имя объекта x , и слушающие считают, что X использовано говорящим именно с этим значением, соответствие их реакций на данное появление X определенным ожиданиям не является непосредственным следствием того, что x является единственным семантическим референтом X (что бывает также крайне редко) и выражение X правильно использовано. Но непонятно, что еще мы могли бы понимать под обозначением токеном имени его семантического референта как следствием появления этого токена в определенном контексте. Следовательно, нет достаточных оснований считать, что токен имени может обозначать нечто определенное в этом смысле обозначения в силу наличия у этого имени определенного семантического референта.

Известное объяснение того, как использование знака может делать его обозначающим объект, являющийся его референтом, предполагает, что сначала знакомство с объектом вызывает в уме субъекта адекватное понятие или ментальную репрезентацию этого объекта, которой присваивается имя, а затем использование этого имени с соответствующим значением обозначает данный объект за счет того, что а) оно вызывает данную ментальную репрезентацию и б) последняя адекватно отражает породивший ее объект¹¹. Это объяснение не очень подходит для случаев, когда субъект не знаком непосредственно с объектом, который исторически закреплен за именем в качестве его референта, и узнает, что оно обозначает, на основании дескрипций или изображений, а также – для случаев, когда понятие объекта не является его адекватной репрезентацией. Но даже когда эти условия выполняются, использование имени может не вызывать и часто не вызывает активацию соответствующей ментальной репрезентации. Тем не менее эти случаи также явно входят в число тех, в которых, согласно распространенной точке зрения, имя обозначает свой семантический референт. Значит, в этих случаях под обозначением имеется в виду что-то другое¹².

¹¹ См., например, выражение этой точки зрения в [Ogden, Richards, 1989, pp. 9–12].

¹² Понятие семантической референции тоже вызывает большие вопросы и имеет немало критиков. Например, некоторые философы языка высказывают сомнения в том, что конвенции играют определяющую роль в обладании выражениями естественных языков значениями и в их понимании; см., например: [Дэвидсон, 2003]. Но я далее буду исходить из того, что нам более или менее понятно, что это и как это работает на уровне конкретного языка.

3. Обозначение как семантическое понятие

Тогда, возможно, под обозначением токеном имени определенной сущности следует понимать отношение, аналогичное тому, что связывает имя как часть языка с его референтами? В этом случае оно точно будет семантическим понятием.

Но чаще всего под наличием у имени семантического референта подразумевают некое устойчивое отношение, возникающее из того, что называется употреблением выражения, т.е. из сложившихся в определенном языковом сообществе практик использовать данное выражение с определенной интенцией и понимать его как использованное с этой интенцией в определенных множествах ситуаций. Токен же имени, в отличие от имени как типа языкового выражения, не имеет какого-либо способа употребления в языке или коммуникации, который мог бы отвечать за наличие у него той или иной референции. Он может быть следствием существования определенной языковой практики и в этом качестве может, как считается, реализовывать определенные коммуникативные интенции. Но если в результате он что-то обозначает, то явно не в рассмотренном семантическом смысле обозначения.

Можно при желании понимать под наличием у имени определенного семантического референта некую диспозицию: например, высокую предпочтительность (при прочих равных) для членов соответствующего сообщества использования данного имени с данным значением и понимания его как использованного с данным значением в сравнении с другими доступными способами его употребления. Токен имени, в свою очередь, может иметь предпочтительную интерпретацию в ситуации, в которой он является значимым элементом дискурса; в этом смысле под референтом токена можно понимать то, что он, скорее всего, будет обозначать при прочих равных, с точки зрения интерпретаторов, относящихся к определенному выделенному сообществу. В самом деле, в ситуации, описанной Крипке, говорящий, скорее всего, признал бы, что неправильно использовал имя Смит, узнай он, что принял за Смита другого человека, именно потому, что слово «Смит» для него является прежде всего инструментом указания на Смита.

Но почему предпочтительная интерпретация, т.е. та, которая может иметь место с высокой вероятностью, но не обязательно имеет место, должна определять фактическую референцию токена? Крипке объясняет, что имя Смит, даже будучи применено к Джонсу, обозначает Смита, а не Джонса, потому что его использование подчинено не только специфической коммуникативной интенции указать на нечто определенное, данное ему в конкретной ситуации, что по факту является Джонсом, но еще и общей интенции обозначать посредством

данного имени то, что уже закреплено за ним в качестве его семантического референта [Kripke, 1977, p. 264]. Допустим, наши коммуникативные интенции могут быть настолько четко различимыми. Почему именно то, что производство токена слова подчинено общей интенции, связывающей его с определенной семантической референцией, должно определять его фактическую референцию, а не его зависимость от соответствующей специфической интенции, связывающей его с конкретной ситуацией? Если использованием моим другим слова «Цезарь», когда он говорит мне, что Цезарь был не таким уж выдающимся политиком, руководит только общая интенция использовать его как имя Гая Юлия Цезаря, никакого конфликта интерпретаций, вызванного попыткой реализовать в данном речевом акте еще и какую-то специфическую интенцию, не может возникнуть в силу отсутствия специфической интенции. Тем не менее данный токен слова «Цезарь» может не восприниматься мной как указание именно на Гая Юлия Цезаря, несмотря на то, что я знаю, что слово «Цезарь» чаще всего фигурирует в моем окружении как имя данного индивида, потому что у меня могут быть в данной ситуации основания для альтернативной интерпретации. Почему надо считать, что «Цезарь» и для меня в данном случае обозначает Гая Юлия в силу того, что с этим индивидом данное слово связано исторически и семантически, а не того, на кого, как я предполагаю, мой друг здесь и теперь хотел указать (пусть даже по факту это – тот же самый индивид)?

Представим себе также, что говорящий сознательно называет Джонса Смитом, считая, например, что это имя ему больше подходит: он использует слово «Смит» с отличным от общепринятого значением, не конвенционально, но при этом вполне однозначно – здесь нет никакого конфликта интерпретаций, порождаемого различными интенциями говорящего. Однако данный токен слова «Смит» будет, скорее всего, вызывать у компетентных слушающих убеждение, что имеет место указание на Смита. Соответственно, согласно разбираемой теории, данный токен надо понимать как обозначающий Смита. Тем не менее я сомневаюсь, что такое прочтение будет правильным, так как здесь использование слова «Смит» подчинено только специфической интенции.

Таким образом, я полагаю, что имеющиеся у нас данные позволяют говорить только, что наличие у имени семантического референта может отвечать за то, как субъекты определенного типа или принадлежащие к определенной группе *должны*¹³ или как им предпочтительно использовать и понимать данное имя в определенных контекстах, но не за то, что оно будет фактически значить в соответствующем контексте, что будет референтом его конкретного появления в дискурсе.

¹³ Не в смысле естественной необходимости, разумеется.

Дополнительная проблема с определением референций токенов слов состоит в том, что нет четкого критерия установления фактов соответствующего вида. Допустим, два субъекта наблюдают некий незнакомый им прежде объект X, формируют о нем одинаковые (в общих чертах) представления, договариваются называть его, например, Хлюп и собираются использовать в дальнейшем слово «Хлюп» только как имя X. Допустим, через какое-то время один из них подумал об X и спросил себя: «А как там Хлюп?». Поскольку это его высказывание является реакцией на мысль именно о том объекте, который они в прошлом договорились называть Хлюп, можно сказать, что он в данном случае хотел указать именно на X. Но что в этой ситуации может свидетельствовать о том, что слово «Хлюп» в данном его использовании *обозначает X*? Собственная реакция субъекта на данное его использование? Но она только показывает, что он *считает* наиболее адекватным прочтением данного токена. Можно сказать, что, поскольку использование данного имени данным субъектом не связано исторически ни с каким другим объектом, нет ничего, что могло бы сделать соответствующий токен данного имени обозначающим что-то другое. Но почему из этого должно следовать, что токены имени вообще могут что-то обозначать сами по себе, т.е. независимо от того, на что с их помощью пытается указать говорящий или какое значение приписывают им слушающие? Этот вывод не выглядит достаточно обоснованным.

Мне кажется, можно провести аналогию между конвенциональным использованием технического средства и конвенциональным использованием имени. Чайник – стандартное средство кипячения воды в домашних условиях; его конвенциональное использование предполагает его применение для кипячения воды. С этой целью в него наливают воду и ставят на огонь или включают, если он электрический. Можно сказать, что эти действия реализуют общую интенцию использовать его обычным образом (для выполнения его основной функции). Но представим себе, что субъекту принесли некую жидкость, которую даритель, которому субъект доверяет, называет живой водой и предлагает вскипятить и заварить на ней чай, утверждая, что он будет обладать целебными свойствами. Однако эта жидкость не является водой, имеет другой химический состав. В данном случае можно сказать, что, помимо общей интенции использовать чайник обычным образом, субъектом будет еще руководить и специфическая интенция вскипятить данную конкретную жидкость. Допустим, налив ее в чайник и поставив его на огонь, субъект наблюдает, как через какое-то время жидкость закипает. Очевидно, он реализовал свою специфическую интенцию – вскипятил соответствующую жидкость посредством чайника. Но можно ли сказать, что чайник вскипятил воду? Это, очевидно, зависит от того, что в него налили. Если жидкость, которую субъект в него налил, не является водой, то о чайнике вряд ли можно

сказать, что он вскипятил воду, несмотря на то, что субъект использовал его обычным образом. Но структурно эта ситуация похожа на применение субъектом имени одной сущности к другой, принятой им за первую. И если аналогия верна, то она показывает, что и в этих случаях, скорее всего, нет оснований говорить, что имя обозначает свой семантический референт, если случайно применено к чему-то отличному от него. Разумеется, чайник – инструмент другого рода, нежели слово. Тем не менее кипячение в чайнике обычно понимается как доведение именно воды до состояния кипения. Использование чайника по назначению можно рассматривать как аналог следования субъектом семантическим и прагматическим правилам употребления слова, что, однако, не гарантирует достижение ожидаемого эффекта, если в чайнике налита не вода. По аналогии можно предположить, что конвенциональное использование слова (подчиненное общей интенции) не гарантирует достижение эффекта обозначения семантического референта соответствующим токеном этого слова, если слово применено к чему-то другому¹⁴.

¹⁴ Можно сузить понятие правильного использования для референциальных выражений и их аналогов, настаивая на том, что только применение такого выражения к его семантическому референту (или подчиненное исключительно общей интенции) является правильным, так же как только кипячение или нагревание воды является правильным использованием стандартного чайника. Но, во-первых, говоря о чайнике, можно заметить, что, хотя он создается обычно с расчетом на взаимодействие с водой, это не значит, что он является инструментом кипячения и нагревания исключительно воды. Если бы единственной окружающей нас жидкостью, пригодной для питья, оказалась бы вдруг некая субстанция, не являющаяся водой в строгом смысле слова (с точки зрения химии), и наши чайники обнаружили бы способность нагревать и кипятить ее не хуже, чем воду, мы, скорее всего, не сочли бы, что как-то неправильно используем чайники, нагревая и кипятя в них эту жидкость вместо воды. Слова так же точно конструктивно пригодны для решения множества референциальных (и не только) задач; если вдруг окажется, что никакого Цезаря на самом деле не было, мы, возможно, сочтем, что неправильно использовали это имя прежде, но вряд ли – что новые факты не позволяют его больше правильно использовать. Можно сказать, что в этом случае значение и, возможно, референция данного выражения изменятся; но это предположение будет вполне совместимо с гипотезой, что, применяя его по-новому (как имя вымышленного индивида, например), мы не отклоняемся от его правильного использования, которое состояло и состоит не в указании на какую-то конкретную сущность, а в указании на что-то в соответствии с определенным набором представлений (можно сказать, продолжая аналогию с приборами, – функционалом данного выражения). А во-вторых, если правильным является только использование слова для указания на определенную сущность или со строго определенной интенцией, то в одном случае правильность окажется тождественной успешности (и о ней невозможно будет судить, так как нам в опыте не дано, на что конкретно указывает токен языкового выражения), а в другом окажется, что говорящий в примере Крипке, вопреки интуиции, использует имя Смит неправильно, хотя вполне и конвенционально.

4. Проблемы прагматической трактовки референции токена

Другой крайностью в разговоре о референции имен является полная прагматизация этого понятия¹⁵. С этой точки зрения референции токенов имен должны полностью определяться тем, как их используют участники конкретной коммуникативной ситуации. Но можем ли мы обоснованно утверждать, что имя Смит обозначает Джонса, будучи применено к Джонсу? Согласно П. Грайсу, некто обозначает нечто, произнося *x*, если и только если он “намеревался произнесением *x* произвести определенный эффект у своих слушателей посредством их понимания его намерения” [Grice, 1957, p. 385]. Можно ли в данном случае сказать, что говорящий произносит имя Смит с намерением вызвать у слушателей убеждение, что речь идет о Джонсе? С одной стороны, о говорящем в данном случае нельзя сказать, что его интенция состоит в указании на Джонса (и вызывании соответствующего эффекта у слушающих), что Джонс есть тот, на кого он сознательно пытается указать, потому что, с его точки зрения, его интенция относится к Смигу. Но, с другой стороны, о нем можно сказать, что он имеет в виду Джонса в данном речевом акте, потому что он хочет указать на того, кто фактически является Джонсом, произнося слово «Смит». То есть на этот вопрос затруднительно ответить однозначно. Также можно усомниться и в том, что в данном случае корректно говорить, что имеет место обозначение субъектом определенного индивида, потому что мы привычно отличаем выполнение действия от намерения, стоящего за этим действием. Простое произнесение субъектом выражения *X* с намерением произвести у слушателей соответствующий эффект (например, сфокусировать внимание на определенном предмете или сформировать убеждение, что речь идет об этом предмете) посредством понимания этого намерения (даже если его интерпретация не вызывает разночтений, как в рассматриваемом примере) может считаться обозначением субъектом соответствующего предмета посредством произнесения *X*, только если мы считаем, что интенция указать на соответствующий предмет (и вызвать у других соответствующие реакции) может быть выполнена простым произнесением (или написанием) соответствующего выражения. Но это – довольно сомнительная гипотеза. Допустим, я хочу указать на Джонса, но случайно называю его Смитом. Первой реакцией слушающих, знающих разницу между Джонсом и Смитом, на это мое коммуникативное действие будет, скорее всего, формирование убеждения, что я говорю о Смиге. Правильно ли будет

¹⁵ Представление о референции как сугубо прагматическом понятию можно найти, например, в [Linsky, 1967, p. 116–131].

настаивать на том, что, несмотря на такую реакцию, надо считать, что я тем не менее указал на Джонса, произнеся имя Смит? Не правильнее ли будет сказать, что я лишь попытался указать на Джонса, но эта попытка провалилась? Ведь в других областях наши намерения не всегда воплощаются в достижение желаемого результата, даже если мы используем инструмент, стандартно приводящий к такому результату. А вероятность, что это не произойдет, если используется неподходящий инструмент, как в рассмотренном случае, еще выше. Почему же в сфере коммуникации мы должны считать, что интенция указать на определенный предмет выполняется просто потому, что субъект использует некое выражение с этой интенцией?

Но, допустим, слушающие реагируют на использование имени для указания на предмет x так, как хочет говорящий, и есть, таким образом, все основания считать, что он обозначает x с помощью данного имени в данном высказывании, поскольку вызывает желаемые реакции. Можно ли на этом основании утверждать, что тем самым имя в данном его использовании обозначает x ? Некоторые считают, что предложение « X обозначает нечто» примерно эквивалентно предложению «Некто обозначает нечто, произнося X » [Schiffer, 2017, р. 12]. Мне трудно судить, так ли это: не исключено, что, по крайней мере, есть люди, для которых эти два предложения имеют разные значения и разные условия истинности. Конечно, ничто не мешает определить референцию десигнатора непосредственно в терминах референции говорящего. Но это определение противоречит некоторым лингвистическим данным, с точки зрения многих участников коммуникации. Ведь для многих, я полагаю, очевидно, что имя, если оно связано с определенным объектом исторически, сохраняет с ним определенную связь даже в ситуациях, в которых оно применено к чему-то другому. Указание на существование семантических референций – стандартный способ объяснения этого феномена. Поэтому для многих будет выглядеть верным утверждение, что имя Смит в примере Крипке все же отсылает к Смицу, даже если и не обозначает его в каком-то строгом смысле обозначения, несмотря на то, что использовано для указания на Джонса. В таком случае гипотезу, что референция говорящего определяет референцию конкретного токена имени, следует трактовать как подразумевающую, что использование имени с определенной интенцией буквально делает это имя в этом его появлении обозначающим то, на что с его помощью указывает или пытается указать говорящий. Но не очень понятно, что это могло бы значить, кроме того, что говорящий приписывает имени в данном его использовании соответствующий референт и ожидает, что слушающие сделают то же. Однако неясно, почему в случае конфликта интерпретаций следует приписывать токеноу имени в качестве его референта именно то, на что с его помощью пытается указать говорящий, а не то, с чем его, например, ассоциируют слушающие или

какие-нибудь компетентные наблюдатели, которые также могли бы быть участниками данного дискурса. В примере Крипке конфликт интерпретаций как раз имеется (хотя и не между непосредственными участниками разговора непосредственно в рамках этого разговора).

Но разве не правильно будет сказать, что, по крайней мере, если имя Смит использовано для указания на Смита и все, кто вовлечен в соответствующий фрагмент коммуникации, понимают его появление в данном контексте именно таким образом, то этот токен слова «Смит» обозначает Смита? Однозначно можно сказать, что он имеет это значение для всех вовлеченных в данную коммуникативную ситуацию. Вероятно, можно также с уверенностью утверждать, что если слушатели исходят из того, что имя Смит относится к Смигу, так сказать, «по умолчанию» – в силу семантики языка (как они ее понимают), – то для них появление данного слова в дискурсе будет иметь значение указания на Смита, даже если у них есть основания считать, что говорящий имел в виду, используя это слово в этом контексте, что-то иное. Но так же, как из факта использования выражения с определенной интенцией или для достижения определенного эффекта не следует с необходимостью, что соответствующее появление этого выражения реализует соответствующую интенцию или обеспечит достижение соответствующего эффекта, из факта согласия участников коммуникации по поводу значения конкретного появления выражения в дискурсе не следует с необходимостью, что этот токен имеет это значение. Представим себе философа, давно живущего на необитаемом острове, который вдруг вспомнил, что был такой философ Аристотель, о котором он, как ему кажется, помнит, что он был учителем Платона (естественно, в этом он ошибается). И он говорит сам себе, что учение Платона развивает учение Аристотеля. Если принять, что имя Аристотель в данном высказывании обозначает Сократа, потому что говорящий подразумевает Сократа посредством использования этого имени, то высказывание следует признать истинным. Однако интуитивно оно скорее ложное, а значит, слово «Аристотель» в нем, скорее всего, не обозначает Сократа. А если так, то интенция указать на того, кто фактически является Сократом, произнося слово «Аристотель», еще не делает этот токен данного имени указанием на Сократа. Во всяком случае, я не вижу оснований предпочесть первую трактовку данного высказывания второй.

5. Выводы

Таким образом, я полагаю, что референции токенов имен – их конкретных появлений в дискурсах – остаются довольно трудным для понимания и объяснения явлением: ни семантическая, ни прагматическая

теория референции не объясняют, на мой взгляд, как такая референция может иметь место и особенно быть строго определенной¹⁶. Ни наличие у имени строго определенной семантической референции (даже когда это имеет место), ни использование имени с определенной коммуникативной интенцией, ни даже согласие всех участников конкретного фрагмента коммуникации, что речь в нем идет о том-то, не гарантируют, как мне кажется, наличия соответствующей референции у соответствующего его токена – отношения, связывающего конкретное его появление в конкретном дискурсе с определенной сущностью. Достаточное ли это основание для сомнения в осмысленности понятия референции токена имени (в отличие от понятия семантической референции имени или понятия референции говорящего)? Не уверен; я, по крайней мере, не буду здесь настаивать на столь радикальном выводе. Но во всяком случае, меня не покидает ощущение, что каждое из рассмотренных объяснений упускает что-то важное и поэтому не выглядит удовлетворительным.

Можно решить проблему, соединив оба объяснения в одно: предположив, например, что референция токена имени определяется вместе с семантической референцией и референцией говорящего в какой-то пропорции или с семантической референцией либо референцией говорящего в зависимости от ситуации или всегда двойственна в случае расхождения между семантикой и интенциями говорящего. Однако надо в таком случае объяснить, почему та, а не иная пропорция должна определять вклад семантической референции и референции говорящего в референцию токена, или почему семантика является определяющим фактором в тех-то ситуациях, а прагматика в тех-то, а не наоборот, или почему двойственность референции не является проблемой. В любом случае это требует серьезных дополнительных усилий, в силу чего мне кажется, что как минимум из сказанного выше следует, что еще рано делать окончательные выводы по вопросу о сущности и принципах формирования референций токенов имен (и десигнаторов вообще).

¹⁶ Рассмотренная здесь проблема, надо отметить, отличается от проблемы неопределимости референции, о которой говорил еще У.В.О. Кауин [Куайн, 2000, с. 46]: последняя состоит в невозможности определить, на что указывает говорящий, используя то или иное имя, тогда как проблема, рассмотренная выше, касается принципов формирования и определения референций токенов имен.

Список литературы

Аристотель, 1978 – *Аристотель*. Об истолковании / Пер. с греч. Э.Л. Радлова // Соч.: в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1978. С. 93–116.

Дэвидсон, 2003 – *Дэвидсон Д.* Общение и конвенциональность / Пер. с англ. Е.В. Зиньковского // *Дэвидсон Д.* Истина и интерпретация. М.: Праксис, 2003. С. 362–383.

Куайн, 2000 – *Куайн У.В.О.* Слово и объект / Пер. с англ. Т.А. Дмитриева, А.З. Черняка. М.: Праксис, 2000. 386 с.

Фреге, 1997 – *Фреге Г.* Смысл и значение / Пер. с нем. В.А. Куренного // *Фреге Г.* Избранные работы. М.: ДиК, 1997. С. 25–49.

References

Aristotle. “Ob Istolkovanii” [On Interpretation]. Trans. by E.L. Radlov, in: Aristotle. *Sochineni’a v 4-ch t.* [Works in 4 volumes], Vol. 2. Moscow: Mysl’, 1978, pp. 93–116. (In Russian)

Davidson, D. “Obschenie i konvenzional’nost” [Communication and Conventionality]. Trans. by E.V. Zin’kovski, in: D. Davidson. *Istina i Interpretatsia* [Inquiries into Truth and Interpretation], Moscow: Praxis, 2003, pp. 362–383. (In Russian)

Quine, W.V.O. *Slovo i Object* [Word and Object]. Trans. by T.A. Dmitriev, A.Z. Chernyak. Moscow: Praxis, 2000, 386 pp. (In Russian)

Frege, G. “Smysl i Znachenie” [Sense and Meaning]. Trans. by V.A. Kurennoy, in: G. Frege. *Izbrannye Raboty* [Selected Works]. Moscow: DiK, 1997, pp. 25–49. (In Russian)

Carnap, 1947 – Carnap, R. *Meaning and Necessity*. Chicago, IL: University of Chicago Press, 1947.

Cummins, 1991 – Cummins, R. *Meaning and Mental Representation*. Cambridge, MA: MIT Press, 1991.

Evans, 1982 – Evans, G. *Varieties of Reference*. Oxford: Clarendon Press, 1982.

Fodor, 1987 – Fodor, J.A. *Psychosemantics: The Problem of Meaning in the Philosophy of Mind*. Cambridge, MA: MIT Press, 1987.

Grice, 1957 – Grice, P. “Meaning”, *The Philosophical Review*, 1957, vol. 66, no. 3, pp. 377–388.

Grice, 1968 – Grice, P. “Utterer’s Meaning, Sentence-Meaning and Word-Meaning”, *Foundations of language*, 1968, no. 4, pp. 225–242.

Grice, 1969 – Grice, P. “Utterer’s Meaning and Intentions”, *Philosophical Review*, 1969, vol. 78, pp. 147–177.

Kripke, 1977 – Kripke, S.A. “Speaker’s Reference and Semantic Reference”, *Midwest Studies in Philosophy*, 1977, no. 2, pp. 255–276.

Kripke, 1980 – Kripke, S.A. *Naming and Necessity*. Cambridge: Cambridge University Press, 1980.

Kripke, 2013 – Kripke, S.A. *Reference and Existence: The John Locke Lectures*. Oxford: Oxford University Press, 2013.

Lewis, 1983 – Lewis, D. “New Work for a Theory of Universals”, *Australasian Journal of Philosophy*, 1983, vol. 61, pp. 343–377.

Lewis, 1967 – Lewis, D. *Convention*. Harvard: Harvard University Press, 1969.

Linsky, 1967 – Linsky, L. *Referring*. New York, 1967.

Mill, 1882 – Mill, D.S. *A System of Logic, Raciocinative and Inductive*. New York: Harper & Brothers, 1882.

Millikan, 1989 – Millikan, R. “Biosemantics”, *Journal of Philosophy*, 1989, vol. 86, pp. 281–297.

Ogden, Richards, 1989 – Ogden, C.K., Richards, I.A. *The Meaning of Meaning*. San Diego: Harcourt Brace Jovanovich, 1989.

Russell, 1903 – Russell, B.A.W. *The Principles of Mathematics*. London: George Allen & Unwin LTD, 1903.

Schiffer, 1972 – Schiffer, S. *Meaning*. Oxford: Oxford University Press, 1972.

Schiffer, 2017 – Schiffer, S. “Intention and Convention in the Theory of Meaning”, in: B. Hale, C. Wright and A. Miller (eds.). *A Companion to the Philosophy of Language*, 2nd Edition. John Wiley & Sons, Ltd., 2017, pp. 49–72.

Searle, 1969 – Searle, J. *Speech Acts. An Essay in the Philosophy of Language*. Cambridge: Cambridge University Press, 1969.